

УДК 94(470)"19"(09)Сталин И.В.
ББК 63.3(2)6-8Сталин И.В., 2
DOI 10.25281/2072-3156-2020-17-1-100-111

И.И. РУЦИНСКАЯ

СТАЛИНИНА КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАКРЕПЛЕНИЯ МИФА: ЕЩЕ РАЗ О ВИЗИТАХ И.В. СТАЛИНА В РАЗЛИВ

Ирина Ильинична Руцинская,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
кафедра региональных исследований,
профессор
Ленинские горы, д. 1, стр. 13,
Москва, 119991, Россия

доктор культурологии, доцент
ORCID 0000-0002-4033-8212; SPIN 4563-6188
E-mail: irinaru2110@gmail.com

Реферат. Сюжет о посещении В.И. Ленина И.В. Сталиным в Разливе давно и детально изучают историки. Главный предмет их интереса — имело ли место данное событие в реальности. Вердикт большинства современных авторов — не имело. В данной статье он не оспаривается. Речь идет не о самом событии, а об истории зарождения мифологии и формах ее репрезентации в культуре сталинской эпохи. Вопрос о том, почему данный сюжет был введен И.В. Сталиным в обновленную версию соб-

ственной официальной биографии лишь спустя тридцать лет после описанных в нем событий, до сих пор не поднимался исследователями. Между тем обращение к нему дает возможность не только осмыслить причины и цели мифологизации отдельных эпизодов биографии вождя на кульминационном этапе утверждения его культа, но и изучить способы и формы задействования инструментария культуры для выполнения подобных задач.

В статье исследуются главным образом визуальные репрезентации мифологического сюжета. Однако важно было не просто проанализировать и классифицировать новые, до сих пор никем специально не изученные иконографические схемы в живописи и графике эпохи, но и увидеть их в историко-культурном контексте. Такой подход позволил продемонстрировать, как «работали» советские репрезентационные стратегии в условиях перманентного удлинения и расширения «жития» вождя, как со временем корректировался повсеместно провозглашаемый лозунг о безмерном почитании учеником-Сталиным учителя-Ленина. Тот

факт, что сюжет «Сталин в Разливе» долгое время оставался за пределами внимания самого вождя и идеологов его культа (то есть считался недостойным специальных усилий) и был вписан в его биографию лишь за семь лет до смерти, делает предложенный анализ более наглядным.

Ключевые слова: культурная политика, искусствоведение, сталиниана, биография, иконография, миф, репрезентация, изобразительное искусство.

Для цитирования: Руцинская И.И. Сталиниана как инструмент закрепления мифа: еще раз о визитах И.В. Сталина в Разлив // Обсерватория культуры. 2020. Т. 17, № 1. С. 100–111. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-1-100-111.

Канонизированный советский нарратив о завоевании власти большевиками содержит несколько ярких и выразительных, но не главных, «не обязательных» эпизодов. Таков эпизод «Ленин в Разливе». Действие в нем разворачивается где-то на обочине магистральных событий, в стороне от того, что происходило в Петрограде в период, который принято называть «между двумя революциями», «в преддверии Октября». Тем не менее он постоянно привлекает внимание историков, причем не только биографов В.И. Ленина (что естественно), но и биографов И.В. Сталина, что представляется менее естественным. В «Краткой биографии» И.В. Сталина по данному поводу приведена одна единственная фраза: «Сталин два раза посещает Ленина в Разливе» [1, с. 27]. Однако появилась она только во втором издании книги — в 1947 году. На протяжении предшествующих тридцати лет Разлив не был частью биографии и географии вождя.

Большинство современных исследователей убеждены: указанная фраза не имеет никакого отношения к действительности: И.В. Сталин в Разлив не приезжал. Солидаризируясь с уважаемыми авторами и принимая их систему доказательств и рассуждений, мы тем не менее хотим обратить внимание на один вопрос: зачем спустя тридцать лет после описанных со-

бытий понадобилось вносить это изменение? Историки, как правило, либо вовсе обходят данный вопрос, либо в качестве объяснения используют словесные клише: «по мере того, как все более усиливался “культ личности”, такое положение становилось нетерпимым...» [2, с. 17]; «по мере формирования культа Сталина появилось утверждение...» [3, с. 81].

Понятно, что указанное изменение стало ответом на некие новые запросы и задачи, оказавшиеся важными для И.В. Сталина во второй половине 1940-х годов. Причем это не был вопрос сколько-нибудь серьезной смены акцентов в трактовке исторических событий. Это не был (как мы покажем в дальнейшем) вопрос усиления роли И.В. Сталина в событиях лета 1917 года. Это был вопрос обрисовки взаимоотношений двух вождей, внесения новых нюансов в их давно провозглашенный «нерушимый союз».

Задача данной статьи — не интерпретировать интенции вождя, а увидеть итоги произведенной перемены, проследить, как в культуре и в искусстве сталинской эпохи был трансформирован хорошо известный сюжет, какими новыми смыслами он оброс в ответ на одну добавленную фразу — «два раза посещает Ленина в Разливе». Важно подчеркнуть, что нас интересует не само событие, а особенности его репрезентации в культуре 1930–1950-х годов. Соглашаясь с тезисом Е. Добренко о том, что «основная функция соцреализма — создавать социализм — советскую реальность, а не артефакт. Точнее, реальность-артефакт...» [4, с. 7], мы, по сути, будем иметь дело именно с этим феноменом — «реальностью-артефактом».

Итак, на протяжении первых послереволюционных лет пребывание в Разливе было эпизодом из биографии В.И. Ленина, а еще — из биографии Г.Е. Зиновьева, скрывавшегося вместе с вождем, частично — из биографии Г.К. Орджоникидзе и Я.М. Свердлова, приезжавших на встречу с В.И. Лениным, а также — из биографии рабочего Н.А. Емельянова, который прятал революционеров сначала в своем доме, а затем в шалаше на берегу озера.

Сразу же после смерти В.И. Ленина в 1924 г. были изданы мемуары непосредственных участников событий: Г.Е. Зиновьева [5, 6] и Н.А. Емельянова [7]. Оба автора много раз

Рис. 1. Ленин в шалаше.

Художник И. Блохин.

Репродукция из журнала «Искусство в массы» [8]

в устной и письменной форме рассказывали о пребывании вождя в Разливе, наполняя свои описания живыми, повседневными деталями. Следом появлялись воспоминания других авторов, так или иначе причастных к указанным событиям. Все эти тексты были несколько раз переизданы, отрывки из них печатали на страницах газет. На основе изложенных в мемуарах фактов были написаны историко-революционные книги для взрослых и детей, созданы живописные полотна.

Необычное, но чрезвычайно яркое свидетельство популярности сюжета находим в журнале «Искусство в массы», на страницах которого в 1930 г. размещена статья под названием «Халтура и ее радители» [8]. Автор, некий А. Михайлов описал типичную для тех лет ситуацию, когда «ответственный работник» срочно заказывает картины к очередному революционному празднику, указывая художнику требуемую тематику: «Калинина, Сталина и Ленина в двух видах — портрет и в шалаше. Всего четыре штуки» [8, с. 26]. Рассказывая о подобной «революционной халтуре», журналист приводил в качестве основного примера именно работы на тему «Ленин в шалаше»: «По сведениям редакции, такие “картинки” встречаются по клубам и чайным во многих уголках Союза и даже в Москве, и даже в Му-

зее Революции (например, Пчелин «Ленин и Зиновьев в шалаше»)» [8, с. 27]. Редакция сочла необходимым разместить репродукцию одного из таких образцов (рис. 1). Как указывала подпись, очередная картина «Ленин в шалаше» выполнена художником И. Блохиным и «висит в советской чайной ЦРК в Самаре» (рис. 1).

Было в этом сюжете нечто способствовавшее его особенной популярности. Для клубов и чайных 1920-х гг. данный образчик советского китча стал почти таким же распространенным элементом, как репродукция «Охотники на привале» В. Перова для курортов и санаториев 1970-х годов.

Нетрудно заметить то общее, что объединяет оба сюжета: незамысловатое действие, разворачивающееся на фоне природы.

Костер, котелок, лес, озеро, шалаш занимали на полотнах такое же важное место, как и примостившийся (чаще всего на пеньке) вождь мирового пролетариата. «Ленин в Разливе» (или как чаще любили говорить в 1920-х гг. — «Ленин в шалаше») представлял собой тот редкий сюжет, когда бесспорно революционная тема сочеталась с уютным, «мещанским» антуражем.

О существовании (и, что не менее важно, — об осознании) подобного сближения свидетельствуют воспоминания известного художника А.А. Рылова, который несколько позже — в 1934 г. — получил заказ на картину данной тематики: «Зашел ко мне племянник Миша Юдин (композитор) и я пожаловался ему, говоря: “Не по силам мне эта историческая тема, у меня выходит не вождь пролетариата, не гений революции, а обыкновенный обыватель на отдыхе, дачник”. Миша посоветовал мне не писать Ленина у шалаша, а изобразить его идущим, погруженным в мысль о революции» [9, с. 216].

Опытный мастер А.А. Рылов увидел непроизвольно возникающий «бидермейеровский» эффект и целенаправленно от него избавился. Но для тех, кому предстояло украшать неофициальные или не самые официальные интерьеры, данный эффект, напротив, таил особую,

пусть и не рефлекслируемую, но явно ощущаемую привлекательность и (как, очевидно, казалось) адекватность. «Ленин на трибуне» для подобного пространства не подходил, «Ленин в шалаше» был в самый раз.

Трансформации сюжета, триумфально существовавшего на протяжении первого послереволюционного десятилетия, начались в 1930-х годах. Они были вполне традиционными для эпохи: исчезли, словно никогда и не было, важнейшие действующие лица. Прежде всего, репрессированный в 1934 г. Г.Е. Зиновьев, а затем осужденный в 1935 г. Н.А. Емельянов.

Когда в 1934 г. вышел сборник воспоминаний «Последнее подполье Ильича» [10], Г.Е. Зиновьев среди авторов уже не фигурировал, хотя мемуары Н.А. Емельянова в книгу еще были включены. А вот в фильме «Великое зарево»¹, появившемся на экранах страны в 1938 г., В.И. Ленин не только скрывался в шалаше один, но и корреспонденцию ему привозил не Н.А. Емельянов или кто-то из его сыновей, а некий придуманный персонаж под фамилией Ершов.

В живопись 1930-х гг. сочиненные персонажи не проникали, там фигурировали только реальные исторические фигуры, но опустевшие места, ранее занятые главными действующими лицами, теперь были отданы «эпизодическим персонажам»: Я.М. Свердлову, Г.К. Орджоникидзе и Ф.Э. Дзержинскому. (А.М. Любимов. «Я.М. Свердлов у В.И. Ленина в Разливе». 1937). Подобные изображения были полностью согласованы с содержанием книг так называемой историко-революционной тематики и прежде всего с биографиями перечисленных большевиков. Например, в книге М.Д. Орахелашвили, посвященной биографии Серго Орджоникидзе, указывалось: «Для получения директив Ленина т. Орджоникидзе по поручению Сталина дважды ездил к Ленину в шалаш» [11, с. 34].

Приведенная цитата интересна также с двух других точек зрения. Во-первых, она указывает на важную параллель: одновременно с исчезновением со сцены главных действующих лиц за кулисами все явственнее проявлялся, все

ощутимей укреплялся новый главный герой — И.В. Сталин (здесь важно это указание — за кулисами, на «сцену Разлива» в этот период вождь не выходил). Во-вторых, любопытна сама формулировка, использованная в книге, — «для получения директив Ленина». В 1936 г. она еще была распространенной, но уже несколькими годами позже в массовой литературе стали использовать совсем другие фразы. Например, такие: «Около трех месяцев скрывался Ленин. Все это время Ленин и Сталин не могли видаться. Их разделяли теперь десятки километров — леса и поля, озера и болота. И все же они были как бы вместе: Ленин писал письма, они доставлялись тайком в Петроград, в Центральный комитет большевистской партии, Сталину. О чем писал Ленин, о чем советовался он со Сталиным? Ленин писал о вооруженном восстании. Ленин обсуждал со Сталиным план восстания» [12, с. 4]. Или такие: «сам Сталин ни разу не ездил к Ленину, ни разу не встречался с ним вплоть до возвращения Ленина в Петроград накануне Октябрьского восстания. Тем поразительнее полное единомыслие и единодушие Ленина и Сталина по всем вопросам революции, оценки момента, определения тактики партии в этот период. Нельзя найти между этими двумя гениями революции не только тени разногласия, но и малейшего оттенка или оттеночка в оценке обстановки, несмотря на чрезвычайную ее сложность» [13, с. 17]. Путь от «директив» Сталину до «писем», в которых Ленин «советовался со Сталиным», и далее — к абсолютному «единомыслию и единодушию» — был пройден всего за несколько лет.

Итак, в массовой литературе, в живописи и кино 1930-х гг. сотни раз было заявлено: И.В. Сталин в Разлив не приезжал². Подобные утверждения не могли быть личным мнением отдельного автора или же обоснованным выводом исследователя, опирающегося на свидетельства очевидцев. Такие «вольности» остались в прошлом. В 1930-х гг. любое утверждение должно было соответствовать линии партии.

² К приведенным примерам можно добавить и многочисленные методички по изучению биографии И.В. Сталина, и тематические планы разнообразных выставок этих лет, и длинный список книг так называемой историко-революционной тематики.

¹ Тбилисская киностудия, 1938 г. Режиссер — М.Э. Чиаурели, в роли И.В. Сталина — М.Г. Геловани.

Во второй половине десятилетия сверяться с этой линией стало намного проще, поскольку в распоряжение советского народа были представлены два основополагающих, программно-моделирующих документа: своеобразный идеологический «катехизис» — «Краткий курс истории ВКП(б)» [14] и «житие» вождя — «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография» [15]. Изданные почти одновременно (с интервалом в один год) данные тексты фиксировали, закрепляли и распространяли «единственно верные» конструкции, интерпретации, оценки относительно прошлого, настоящего и будущего советского общества и, соответственно, относительно биографии вождя.

Важно, что обе канонические книги не содержали ни единого упоминания о поездках И.В. Сталина в Разлив. Правда, в них не было и радикальных фраз, подобных приведенным выше: «не могли видаться», «ни разу не ездил», «не встречался» и т. д. Однако логика «не упоминать — не значит отрицать» будет задействована в истории с Разливом лишь несколько лет спустя. В 1930-х гг. работала иная: «не написано — значит не происходило в реальности». Вся система советской пропаганды подготовила советского человека именно так видеть соотношение канонического текста и действительности.

Исследуя историю появления сюжета о визитах И.В. Сталина в Разлив, В.Т. Логинов пишет: «В 1935 году Емельянов, его жена, а потом и сын Николай — неизменный спутник Владимира Ильича в Разливе — были арестованы. После допросов 64-летний Николай Александрович заболел, оглох и “вспомнил”, что Сталин приезжал в шалаш “раза два”. Его и Надежду Кондратьевну выпустили, а Николай погиб. С тех пор — даже после смерти Емельянова в 1958 году — во всех интервью и “литературных записях” его воспоминаний всегда содержалось упоминание о приезде Сталина, Дзержинского, Свердлова и т. д.» [2, с. 263–264].

Однако ни в 1935-м, ни в последующие двенадцать лет данный сюжет не был внесен в канонические тексты. «Краткую биографию» И.В. Сталина переиздавали в первой редакции еще несколько раз. Книга продолжала хранить полное молчание по данной теме. Сам В.Т. Логинов указывает, что и «в 3-й том сочинений Сталина этот факт не включили» [2, с. 264].

Очевидно, что в данный период в нем просто не было необходимости. В текстах массовой пропаганды оказалось важным акцентировать два других аспекта, выделить два других сюжета, свидетельствовавших о чрезвычайно важной, по сути, главной роли И.В. Сталина летом 1917 года. Они звучали следующим образом: «Сталин спас Ленина»; «Сталин заменил собой Ленина».

Под спасением В.И. Ленина понималось возражение против его явки на суд Временного правительства (по обвинению в шпионаже в пользу Германии), за которую выступали некоторые большевистские лидеры. До 1939 г. (до появления «Краткой биографии») в массовых текстах И.В. Сталин не фигурировал в качестве единственного спасителя. Однако в «Краткой биографии» акценты были расставлены иначе: «Сталин спас для партии, для нашего народа, для всего человечества драгоценную жизнь Ленина, решительно высказавшись против явки Ленина на суд контрреволюционеров, воспротивившись предложению предателей Каменева, Рыкова, Троцкого выдать Ленина на суд контрреволюционного Временного правительства» [15, с. 27].

После появления такого пассажа в каноническом тексте писать иначе было невозможно. Не упоминать о великой миссии Сталина-спасителя отныне значило исказить историю. Поэтому книги запестрели многочисленными, но только более развернутыми и красочными описаниями.

Второй тезис — «Сталин заменил собой Ленина» — звучал еще более пафосно: «Ленин уходит в подполье. Необходимо было немедленно заменить его у руля руководства партией. И таким человеком, таким признанным руководителем, верным ленинцем был товарищ Сталин» [13, с. 14]. Отныне он стоял во главе всего: «непосредственно руководил Центральным Комитетом и центральным органом партии» [15, с. 27], «никакая партийная конференция, никакое серьезное организационное совещание не обходилось без политического выступления Сталина» [16, с. 291]. И, конечно же, И.В. Сталин был главным действующим лицом на VI съезде партии: «VI съезд партии, происходивший нелегально под руководством товарища Сталина, нацеливает партию и рабочий класс на вооруженное восстание, на социа-

листическую революцию. В этот период во весь рост встает фигура товарища Сталина как организатора сил революции» [17, с. 7].

Как видим, нарратив на тему «И.В. Сталин между двумя революциями» обрел завершенность и стройность. Применительно к этому периоду И.В. Сталин впервые был выдвинут на роль «протагониста»: руководил, направлял, спасал, вел к цели, громил и разоблачал. Его фигура впервые выросла до подобных — все-российских — масштабов. Предшествовавшие этапы сталинской биографии — также мифологизированные, «раскрашенные», дополненные недостающими деталями — на фоне этого этапа все же кажутся сдержанными и почти скромными в своих репрезентационных стратегиях. Именно в контексте лета 1917 г. обрел плоть и кровь тот образ И.В. Сталина, которому приписывались все достижения и победы. Именно применительно к лету 1917 г. было обосновано, сформулировано, донесено до каждого советского человека право И.В. Сталина называться вождем. Герой мифа встал во весь свой исполинский рост.

Усилия советской пропаганды 1930-х гг. были направлены на достижение этого масштабного результата.

В подобном контексте история с поездками И.В. Сталина в Разлив кажется пустяком, незначительным эпизодом, ничего не добавляющим к созданному образу. Всего-то опосредованное (через посланников, через письма) общение двух вождей заменено на личное; просто И.В. Сталин из-за кулис выведен на сцену.

Как известно, определения «верный ленинец», «друг», «соратник», «наследник» и «продолжатель дела» В.И. Ленина входили в число главных имиджевых характеристик И.В. Сталина, на которых и он сам, и все органы советской пропаганды настаивали особенно активно и последовательно. Данные определения были задействованы, начиная с 1924 г., когда они являлись важнейшими стратегическими инструментами борьбы за власть. Казалось бы, в условиях установления культа их значение должно было ослабевать. Однако этого не произошло. Более того, количество тем и сюжетов, описаний и славословий, в которых имена двух вождей были буквально соединены в единое целое, продолжало нарастать.

Литературные, изобразительные, кинематографические сюжеты, посвященные непосредственному общению двух вождей, затрагивали период с 1905 г. (первая встреча на Таммерфорской конференции) по 1923 г. (последние встречи в Горках). Все первые сцены общения проходили за границей, на партийных съездах и конференциях. В.И. Ленин этого периода часто изображался без И.В. Сталина, Последний же появлялся только рядом с ним. Он как бы актуализировался через старшего товарища и наставника. Однако начиная с лета, и даже раньше — с апреля 1917 г. большинство сюжетов — из числа тех, которые структурировали историю подготовки и проведения революции, выстраивались так, что В.И. Ленин практически всегда оказывался в сопровождении В.И. Сталина: он на броневике — И.В. Сталин рядом, он в Смольном — И.В. Сталин рядом, В.И. Ленин на съезде Советов — И.В. Сталин рядом. О таких изменениях писала Н. Тумаркин, изучавшая сложение и трансформацию культа В.И. Ленина в СССР: «Ранее в культе Ленина систематически и настойчиво поднималась на щит возможность прямого, непосредственного общения преданных коммунистов с вождем, его отзывчивость и доступность. Способность к тесной связи вождя с массами не была утрачена и после его смерти... Все ритуалы ленинского культа как раз и были разработаны с целью укрепить эмоциональную связь между народом и вождем, пробудить в массах решимость продолжать работу, предпринятую Лениным для их блага. Подобный расклад снимался с повестки дня, когда Сталин сделался живым воплощением Ленина. Мифология сталинского культа превращала его в связующее звено между Лениным и народом; дух Ленина становился доступным всем через посредство личности Сталина, через его слова и дела» [18, с. 164].

По сути, мы имеем дело с чрезвычайно тонкими механизмами социальной манипуляции: чем больше, чаще и восторженнее говорили о нерушимой дружбе двух вождей, чем чаще их показывали стоящими рядом, тем явственней менялись их роли, тем ощутимее становилась роль И.В. Сталина и убавлялась, урезалась роль В.И. Ленина.

Со временем изменилось и количественное соотношение сюжетов, в которых вожди,

наконец, «расставались»: иконографический набор ленинианы сокращался, а сталинианы, наоборот, неуклонно разрастался. Данный процесс отражали тематические планы и каталоги грандиозных Всероссийских художественных выставок. Например, согласно тематическому плану к 1950 г. история непосредственного взаимодействия двух вождей разрослась до 15 эпизодов (включая и две картины на тему «у шалаша»), за тот же хронологический период В.И. Ленин без своего младшего соратника появлялся в 11 эпизодах, а «самостояние» Сталина «доросло» до 10 эпизодов (не считая 18 картин, в которых была отражена его деятельность после смерти В.И. Ленина) [19].

Таким образом, в культуре 1930–1950-х гг. протекали два почти незаметных глазу взаимозависимых процесса: по мере того как И.В. Сталин обретал репрезентационную самостоятельность, В.И. Ленин ее постепенно утрачивал. И даже в те сюжеты, где его образу, казалось бы, прочно удавалось «автономизироваться», настойчиво «проникал» соратник. «Ленин в Разливе» — из их числа.

Не вызывает сомнения факт, что И.В. Сталин лично участвовал в процессе трансформации данного сюжета. Согласно описанию В.Т. Логинова, «в 1946 году, когда издавались сочинения Сталина, директор ИМЭЛ В. Кружков написал помощнику Сталина Поскребышеву о том, что Емельянов вспомнил о двух приездах Иосифа Виссарионовича в Разлив. Поскребышев ответил: “Тов. Сталин подтверждает приезд к Ленину в Разлив дважды”» [2, с. 264]. И хотя сам И.В. Сталин ни устно, ни письменно не упоминал об этих приездах, однако, как известно, он лично редактировал второе издание «Краткой биографии», внося туда немало правок и дополнений. Добавленную фразу — «два раза посещает Ленина в Разливе» — он оставил без изменений.

Как это влияло на характер репрезентаций сюжета? Отныне не письменные директивы или письма получал И.В. Сталин от В.И. Ленина — отныне два вождя вместе обсуждали, обдумывали, советовались, принимали решения, касающиеся стратегии и тактики партии в переломный момент революционной истории. Фразы, которые по мере нарастания культа все чаще проскальзывали в речах и официальных

текстах («Ленин советовался со Сталиным», «Сталин оказал влияние на Ленина»), получили еще одно наглядное подтверждение.

В последние годы жизни И.В. Сталина подобное утверждение, очевидно, было для него особенно важным. Об этом же свидетельствует интересный фрагмент из мемуаров Н.С. Хрущева: «Сталин в своих выступлениях всегда высоко отзывался о Ленине и себя называл ленинцем. В узком кругу лиц мне приходилось слышать его воспоминания о встречах с Лениным, его беседах с Лениным. Он рассказывал, какую позицию занимал Ленин по тому или другому вопросу, и всегда у него получалось так, что Ленин, узнав точку зрения Сталина, потом выступал с таким же положением, выдавая его за свое. То есть Сталин давал понять, что эти мысли он подбросил Ленину, а Ленин использовал их». Заявлять об этом напрямую И.В. Сталин не мог, но для того и существовала советская культура и соцреалистическое искусство, чтобы улавливать невысказанное и как бы помимо воли вождя доносить идеи до сознания миллионов [20, с. 115].

Конечно, способы репрезентации откорректированного сюжета существенно отличались в зависимости от используемых каналов. Наиболее сдержанной оказалась литература. Как правило, книжные тексты — художественные или научно-популярные, для детей или для взрослых — просто повторяли фразу из «Краткой биографии», не пытаясь ее расширить, наполнить деталями и эмоциями. Для того чтобы внести изменения, особенно в случае переиздания книги, зачастую не нужен был и автор: редактор сам вставлял требуемые слова в подходящем месте. Ярким примером может служить популярная и многострадальная книга Л.С. Савельева³ «Штурм Зимнего» (1938), адресованная детям среднего возраста. Ее переиздавали в «Детгизе» несколько раз. И каждый раз текст «резали» либо, напротив, дополняли, в строгом соответствии с меняющимися установками. Так, при предпечатной подготовке книги в 1938 г. (напомним, что в этом же году издан «Краткий

³ Л. Савельев — псевдоним Л.С. Липавского — известного обэриута — участника содружества поэтов, писателей, философов ОБЭРИУ (Объединения Реального Искусства) в Ленинграде в начале 1930-х годов.

курс истории ВКП(б)), редактор информировал автора о внесенных правках: «Все исправления я делал, сообразуясь с учебником истории партии и учебником Шестакова. Некоторые выражения взяты дословно и это не беда. Посмотрите» [21, с. 94]. В варианте 1952 г. вместо уже знакомого нам утверждения, фигурировавшего в предыдущих изданиях: «Все это время Ленин и Сталин не могли видаться» [12, с. 4], появилась фраза: «Два раза Сталин приезжал к Ленину в Разлив» [22, с. 4]. И это тоже была почти дословная цитата, только теперь из «Краткой биографии». И, конечно же, это тоже рассматривалось как «не беда». В итоге художественный текст буквально обрастал канцеляризмами, позаимствованными из официальных партийно-государственных изданий.

Художники не могли использовать подобный прием. Визуальный нарратив тем и отличается от вербального, что требует воссоздания обстановки, продумывания мизансцены. В случае с Разливом помогали сформированные ранее традиции и стереотипы построения сюжета.

За предшествующий период, когда В.И. Ленина еще «отпускали» в шалаш без соратника, сложились основные типы изображений: сидящий на пеньке у костра; сидящий на одном из двух пеньков в так называемом зеленом кабинете; идущий по берегу озера. В эти композиции и был «подселен» И.В. Сталин.

Наиболее «теплым» и дружеским получалось произведение, когда два героя сидят у шалаша — рядом с костром, на котором дымился котелок. Однако именно этот вариант возвращал изображение к образам «дачников», «охотников на привале», от которого стремились уйти наиболее чуткие художники. Классический пример подобного композиционного решения представляет картина П.М. Митюшева «И.В. Сталин у В.И. Ленина в Разливе» (1949, рис. 2). Тщательно прописанный пейзаж и все его детали, вплоть до спускающегося на землю тумана, струящихся столбиков дыма над костром, начинающих сгущаться сумерек, создают атмосферу подчеркнутой задушевности. Герои, расположившиеся на фоне шалаша, вполне соответствуют окружающей их уютной обстановке: сидят близко друг к другу, ведут явно интересную для обоих беседу. Неформальный, нигде более не повторяемый жест

Рис. 2. И.В. Сталин у В.И. Ленина в Разливе.

Художник П.М. Митюшев. 1949, Сыктывкар.

Холст, масло. 124 × 157. Инв. № 289.

Национальная галерея Республики Коми, Сыктывкар.

Источник: <https://goscatalog.ru/portal/#/collections?id=16666743>

И.В. Сталина (он прикуривает трубку от взятой из костра веточки), его повышенная, выходящая за рамки традиционного лимита подвижность (во многом обусловленная тем, что он сидит на невысоком пеньке), чрезвычайная, почти демонстративная внимательность В.И. Ленина — все это, учитывая антураж, никак не способствует созданию «революционного настроения», подчеркиванию «исторического значения» происходящего (даже несмотря на газету в руках у В.И. Ленина), скорее вызывает ассоциации с «охотничьими рассказами».

Однако к подобным композициям авторы сталинианы прибегали не часто. Как правило, «появление Сталина» в Разливе серьезно меняло общую тональность работ. «Пасторальная» композиция с двумя вождями у костра была востребована намного реже, нежели с одним вождем. Неформального В.И. Ленина, лежащего на траве или неудобно присевшего на пеньке, изображали бесчисленное количество раз, но рядом с И.В. Сталиным он выпрямлялся, поднимался, утрачивал медитативную сосредоточенность и романтическую отрешенность. Вождей любили представлять в полный рост: либо идущими по берегу озера, либо неподвижно стоящими у кромки воды. Один из ярких примеров подобного решения — работа известного совет-

Рис. 3. В.И. Ленин и И.В. Сталин в Разливе.
Художник Н.Н. Жуков. 1949. [23, с. 73]

ского графика Н.Н. Жукова (рис. 3, [23, с. 73]). Главные эмоции, которые транслируют изображенные персонажи — собранность и суровая сдержанность. Они шагают нога в ногу, ритмичность видна в движениях ног и рук. Лица и тела

Рис. 4. В.И. Ленин и И.В. Сталин в Разливе (фрагмент).
Художник П.И. Розин. 1950. Холст, масло. 177 × 219.
Инв. № ФМЛ К-372.

Государственный исторический музей, Москва.

Источник: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7028286>

напряжены. В.И. Ленин решительно и даже воинственно сжимает кулаки. Природа, естественно, вторит настроению людей, в ней нет красоты и уюта: низкие травы, набегающие тучи, никаких костров, пеньков, шалашей, даже деревьев. Вожди революции перед схваткой, решительные и целеустремленные, — такова идея данного рисунка. Конечно, Н.Н. Жуков использовал схему, найденную А.А. Рыловым (В.И. Ленин, идущий по берегу Разлива на фоне тревожного неба), но снизил градус отрешенности и романтизма, усилив действенную воинственную непреклонность своих героев.

Одной из самых популярных работ на данную тему стала картина П.И. Розина «В.И. Ленин и И.В. Сталин в Разливе» (рис. 4). Ее экспонировали на всесоюзных выставках, репродуцировали на календарях и открытках и, что совсем удивительно, в Китае, где она была горячо любима, воспроизводили в технике шелкографии. Правда, китайские производители предпочитали придавать изначальной композиции больше аскетизма, поэтому обрезали часть изображения с мальчиком в лодке как ненужную деталь, снижающую высокий пафос картины.

Вожди, расположенные на переднем плане, действительно, монументальны и значительны, больше напоминают скульптурную, нежели живописную группу. Крепкое мужское рукопожатие, объединяющее персонажей, буквально вызывает к зрителю: увидите, как тверда дружба, как велико доверие и согласие этих великих людей.

Ни на одной из живописных работ данной тематики нельзя увидеть даже намек на старшинство В.И. Ленина. Рядом стоят (или сидят) два равных героя. Один — сугубо гражданский, другой — обретший военизированную одежду и военную выправку, но оба равно значимы и значительны.

Таким образом, к концу 1940-х гг. сталиниана обогатилась еще одной иконографической схемой. В иконописи рождение новых канонов нередко было связано с обращением к апокрифическим текстам. В советской живописи основой живописного сюжета о жизни И.В. Сталина мог стать только текст канонический (читай: им самим проверенный и утвержденный). Сакрализация живого вождя создавала уникальные ситуации, при которых его «житие» с течением времени не

только удлинялось по хронологии, но и расширялось за счет новых эпизодов. Не был пропущен ни один эпизод сакральной большевистской истории (даже, казалось бы, такой незначительный, как «Ленин в Разливе»), всюду, где была возможность инкорпорировать И.В. Сталина, это было сделано.

Советская пропаганда позаботилась о том, чтобы сюжет о пребывании И.В. Сталина в Разливе был донесен до каждого советского человека. Как всегда, главный способ, используемый для достижения этой цели, — бесконечное упоминание о нем в самых разных текстах. Однако именно живопись превратила сухую фразу в яркий и достоверный образ, по сути, «витализировала» новый миф, наполнив его убедительными эмоциями и живыми деталями. Как писал М. Маклюэн, «Русским достаточно адаптировать свои традиции восточной иконы и построения образа к новым электрическим средствам коммуникации, чтобы быть агрессивно эффективными в современном мире информации. Идея Образа, которую с огромным трудом пришлось осваивать Мэдисон Авеню, была единственной идеей, которой располагала русская пропаганда. Русские не проявили в своей пропаганде никакой изобретательности и работы воображения. Они просто делали то, чему их учили религиозные и культурные традиции, а именно — строили образы» [24, с. 394].

Список источников

1. Иосиф Виссарионович Сталин : Краткая биография / сост: Г.Ф. Александров, М.Р. Галактионов, В.С. Кружков, М.Б. Митин, В.Д. Мочалов, П.Н. Поспелов. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Госполитиздат, 1947. 244 с.
2. Логинов В.Т. Неизвестный Ленин. Москва : Эксмо, 2010. 576 с.
3. Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя: [биография]. Москва : АСТ : CORPUS, 2018. 464 с.
4. Добренко Е. Политэкономия соцреализма. Москва : Новое лит. обозрение, 2007. 592 с.
5. Зиновьев Г.Е. В.И. Ленин — гений, учитель, вождь и человек. (Речь на заседании Ленинград. сов. 7 февр. 1924 г.). 3-е изд. Ленинград : Гос. изд-во, 1924. 61 с.
6. Зиновьев Г. Ленин и июльские дни. К десятилетию июльских дней // Пролетарская революция. 1927. № 8—9. С. 67—68.
7. Емельянов Н. Таинственный шалаш. Ленинград : Гос. изд-во, 1924. 13 с.
8. Михайлов А. Халтура и ее радители // Искусство в массы. 1930. № 2. С. 26—27.
9. Рылов А. Воспоминания. Москва : Искусство, 1954. 288 с.
10. Последнее подполье Ильича. Воспоминания. Москва : Старый Большевик, 1934. 91 с.
11. Орахелашвили М.Д. Серго Орджоникидзе. Биографический очерк. Москва : Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. 143 с.
12. Савельев Л.С. Штурм Зимнего. Москва ; Ленинград : Детиздат, 1938. 72 с.
13. Крушол Н.Б. Сталин — руководитель Шестого съезда большевистской партии. Ленинград : Газетно-журнальное книжное издательство, 1939. 48 с.
14. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевики) : Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). [Москва] : Госполитиздат, 1938. 352 с.
15. Александров Г.Ф. и др. Иосиф Виссарионович Сталин : (Краткая биография). Москва : Воениздат, 1939. 76 с.
16. Троцкий Л. Сталин. В 2 т. Т. 1. Москва : ТЕРРА-TERRA, 1996. 324 с.
17. Ярославский Е.М. Сталин — это Ленин сегодня // Историк-марксист. 1940. № 1. С. 3—13.
18. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. Санкт-Петербург : Академический проект, 1997. 288 с.
19. Художественная выставка, 1950 : живопись, скульптура, графика: каталог. Москва : Советский художник, 1950. 192 с.
20. Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть : [Воспоминания]. В 4 кн. Москва : Московские новости, 1999. Кн. 3. 703 с.
21. Валиева Ю.М. Ленин и очки: об источниках книги Л. Савельева «Штурм Зимнего» // Детские чтения. 2018. Т. 13. № 1. С. 92—113.
22. Савельев Л. Штурм Зимнего. Москва ; Ленинград : Детгиз, 1952. 64 с.
23. Долматов В. Сталин. 1878—1953. Главные документы. Москва : ИД «Комсомольская правда», 2018. 456 с.
24. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В.Г. Николаева. Москва : КАНОН-пресс-Ц ; Жуковский : Кучково поле, 2003. 462 с.

Иллюстрации предоставлены автором статьи

Staliniana as a Tool for the Myth Fortification: Once Again about Stalin's Visits to Razliv

Irina I. Rutsinskaya

Lomonosov Moscow State University, 1,
Building 13, Leninskie Gory Str., Moscow, 119991,
Russia
ORCID 0000-0002-4033-8212; SPIN 4563-6188
E-mail: irinaru2110@gmail.com

Abstract. *Historians have long been studying in detail the story of I.V. Stalin visiting V.I. Lenin in Razliv. The main subject of their interest is whether this event took place in reality. Most of modern authors agree that it did not. This article does not dispute this verdict, because it is not about the event itself, but about the history of the mythologeme's origin and the forms of its representation in the culture of the Stalin era.*

Researchers have not yet raised the question of why this story was introduced by Stalin into the updated version of his own official biography only thirty years after the events described in it. Meanwhile, appealing to it makes it possible not only to comprehend the reasons and goals of mythologizing individual episodes of the leader's biography at the culmination stage of building his cult, but also to study the methods and forms of using cultural tools to achieve such goals.

The article focuses mainly on visual representations of the mythological story. However, it was important not only to analyze and classify the new unstudied iconographic schemes that had never been studied by anyone before, but also to see them in a historical and cultural context. This approach made it possible to demonstrate how the Soviet representation strategies had been "working" under the conditions of the permanent expansion of the leader's "life story", as well as how the universally proclaimed slogan about the immense veneration of the teacher Lenin by his student Stalin had been adjusted over time. The fact that the story of "Stalin in Razliv" had remained for a long time beyond the attention of the leader himself and the ideologists of his cult (i.e. it had been considered unworthy of special efforts) and was included in his biography only seven years before his death,

makes the analysis proposed in the article even more comprehensive.

Key words: cultural policy, art history, Staliniana, biography, iconography, myth, representation, fine art.

Citation: Rutsinskaya I.I. Staliniana as a Tool for the Myth Fortification: Once Again about Stalin's Visits to Razliv, *Observatory of Culture*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 100–111. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-1-100-111.

References

1. Aleksandrov G.F., Galaktionov M.R., Kruzhkov V.S., Mitin M.B., Mochalov V.D., Pospelov P.N. (eds). *Iosif Vissarionovich Stalin: Kratkaya biografiya* [Joseph Vissarionovich Stalin: Brief Biography]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1947, 244 p.
2. Loginov V.T. *Neizvestnyi Lenin* [The Unknown Lenin]. Moscow, Eksmo Publ., 2010, 576 p.
3. Khlevnyuk O. *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya* [Stalin. A Leader's Life]. Moscow, AST Publ., CORPUS Publ., 2018, 464 p.
4. Dobrenko E. *Politekonomiya sotsrealizma* [Political Economy of Social Realism]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2007, 592 p.
5. Zinov'ev G.E. *V.I. Lenin — genii, uchitel', vozhd' i chelovek. (Rech' na zasedanii Leningrad. sov. 7 fevr. 1924 g.)* [V.I. Lenin — A Genius, a Teacher, a Leader, and a Man. (A Speech at the Meeting of the Leningrad Council on February 7, 1924)]. Leningrad, Gosudarstvennoe Publ., 1924, 61 p.
6. Zinov'ev G. Lenin and the July Days. To the Tenth Anniversary of the July Days, *Proletarskaya revolyutsiya* [Proletarian Revolution], 1927, no. 8–9, pp. 67–68 (in Russ.).
7. Emelyanov N. *Tainstvennyi shalash* [The Mysterious Hut]. Leningrad, Gosudarstvennoe Publ., 1924, 13 p.
8. Mikhailov A. Hackwork and its Champions, *Iskusstvo v massy* [Art to the Masses], 1930, no. 2, pp. 26–27 (in Russ.).
9. Rylov A. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1954, 288 p.
10. *Poslednee podpol'e Il'icha. Vospominaniya* [Ilyich's Last Underground. Memories]. Moscow, Staryi Bol'shevik Publ., 1934, 91 p.
11. Orakhelashvili M.D. *Sergo Ordzhonikidze. Biograficheskii ocherk* [Sergo Ordzhonikidze. Biographi-

- cal Essay]. Moscow, Partizdat TsK VKP(b) Publ., 1936, 143 p.
12. Savelyev L.S. *Shturm Zimnego* [Storming the Winter Palace]. Moscow, Leningrad, Detizdat Publ., 1938, 72 p.
13. Krushkol N.B. *Stalin — rukovoditel' Shestogo s'ezda bol'shevistskoi partii* [Stalin — The Head of the Sixth Congress of the Bolshevik Party]. Leningrad, Gazetno-Zhurnal'noe Knizhnoe Publ., 1939, 48 p.
14. *Istoriya Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov): Kratkii kurs* [The History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): A Short Course], Gospolitizdat Publ., 1938, 352 p.
15. Aleksandrov G.F. and others. *Iosif Vissarionovich Stalin: (Kratkaya biografiya)* [Joseph Vissarionovich Stalin: (Brief Biography)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1939, 76 p.
16. Trotsky L. *Stalin*, in 2 volumes, vol. 1. Moscow, TERRA-TERRA Publ., 1996, 324 p. (in Russ.).
17. Yaroslavsky E.M. *Stalin Is the Lenin of Today, Istoriik-markсист* [Marxist Historian], 1940, no. 1, pp. 3–13 (in Russ.).
18. Tumarkin N. *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoi Rossii* [Lenin Is Alive! The Cult of Lenin in Soviet Russia]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1997, 288 p.
19. *Khudozhestvennaya vystavka, 1950: zhivopis', skul'ptura, grafika: katalog* [Art Exhibition, 1950: Painting, Sculpture, Graphics: catalogue]. Moscow, Sovetskii Khudozhnik Publ., 1950, 192 p.
20. Khrushchev N.S. *Vremya. Lyudi. Vlast'* [Time. People. Power], in 4 books. Moscow, Moskovskie Novosti Publ., 1999, book 3, 703 p.
21. Valieva Yu.M. Lenin and the Glasses: On the Sources of L. Savelyev's Book "Storming the Winter Palace", *Detskie chteniya* [Children's Readings], 2018, vol. 13, no. 1, pp. 92–113 (in Russ.).
22. Savelyev L. *Shturm Zimnego* [Storming the Winter Palace]. Moscow, Leningrad, Detgiz Publ., 1952, 64 p.
23. Dolmatov V. *Stalin. 1878–1953. Glavnye dokumenty* [Stalin. 1878–1953. Main Documents]. Moscow, Komsomol'skaya Pravda Publ., 2018, 456 p.
24. McLuhan H.M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Moscow, KANON-press-Ts Publ., Zhukovsky, Kuchkovo Pole Publ., 2003, 462 p. (in Russ.).

СОБЫТИЕ

Российская государственная библиотека, главное здание,
Центр документов международных организаций (А-326).
С 1 февраля по 31 декабря 2020 года. Вход по читательскому билету

В БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ МЫ БЫЛИ ВМЕСТЕ

В 2020 году страны — участники Содружества Независимых Государств отмечают одну из великих дат, объединяющих народы СНГ, — 75-летие Победы над фашизмом. Годы войны изменили ход мировой истории и карту мира. За победу была заплачена самая высокая цена — жизни миллионов людей. Первый раздел выставки представлен документами СНГ, данными об участии в Великой Отечественной войне республик Советского Союза (ныне суверенных государств и стран — участниц СНГ), а также сведения о заботе и внимании этих государств о ветеранах войны в настоящее время.

Второй раздел выставки раскрывает документы, характеризующие обстановку в Советском Союзе накануне войны, события Великой Отечественной, военно-политические итоги и уроки войны.

Название самого большого третьего раздела выставки — «Дорогами великой войны». Экспонаты этого раздела показывают события военных лет: защиту Брестской крепости, великие битвы под Москвой, блокаду Ленинграда, трагедию белорусской деревни Хатынь, бои на реке Днепр, за Курск, Севастополь, Крым, Берлин.

Выставка организована совместно с Исполнительным комитетом СНГ.